

Православные ценности личности

Игумен Дамаскин (Орловский)

ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ НОВОМУЧЕНИКА XX СТОЛЕТИЯ. ПСИХОЛОГО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС

Аннотация. Рассматривается проблема личности на примере феномена святости новомучеников, пострадавших за веру в период антирелигиозных гонений в России. Показана зависимость мотивации и поступка от реалий внутреннего пространства личности, что подтверждено в процессе канонизации святых XX века.

Ключевые слова: личность; идеал; святоотеческое наследие; Русская православная церковь; святой; новомученик; поступок.

Annotation. The article examines the personality problem, using the example of the sanctity of the new martyrs, who suffered for faith during the antireligious persecutions in Russia. The article shows how a person's motivation and actions depend on the inner world of his personality, a condition which the canonization process of the 20th century's saints has confirmed.

Keywords: personality; ideal; patristic heritage; Russian Orthodox Church; saint; new martyr; action.

*«Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!»*

А. С. Хомяков

«Эпохи относительного духовного упадка для историка не менее важны, чем эпохи духовного процветания. Они научают, как при трудных обстоятельствах, среди преследования или, что еще опасней, равнодушия, благодать Божия находила способы и людей в обстоятельствах иногда по человечески отчаянных, и сохраняла свет Истины и огонь жизни христианской».

Свящ. Сергей Мансуров

Человек как объект
и субъект истории

Человек как объект и субъект истории составляет одну из наиболее актуальных, но малоисследованных проблем современного научного знания, которое вынуждено искать выход из глубокого мировоззренческого и методологического кризиса, обусловленного несостоятельностью материалистических теорий формационных законов развития, господствовавших долгие десятилетия и нивелирующих роль личности в истории, ограничивающих научное познание человека рамками его земной практической деятельности. Мотивационная сфера, движущие силы человеческой личности оставались вне интересов исследователя, который, руководствуясь заданной целевой установкой, фиксировал внимание в основном на внешних факторах участия человека в «трудовой деятельности», в текущих событиях, причинно-следственные связи между которыми определялись, как правило, исходя из формально-логических, идеологически ориентированных представлений познающего субъекта. Не случайно даже официально признанный лидер советской психологии А. Н. Леонтьев признавал, что «проблема самосознания личности, осознания «Я» остается в психологии нерешенной, принадлежит к числу ускользающих от научно-психологического анализа», поскольку доступ к ней закрывают многие ложные представления, сложившиеся в психологии на эмпирическом уровне исследования личности [1, с. 174].

Идея совершенной
личности

Научные установки марксистской психологии, получившие концептуальное обоснование в трудах Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна, составили фундаментальные основы гуманитарного знания [2]. «Практика, – писал Л. С. Выготский, – выдвигает постановку

задач и служит верховным судом теории, критерием истины; она диктует, как конструировать понятия и как формулировать законы <...>. Метод – значит путь, мы понимаем его как средство познания; но путь во всех точках определен целью, куда он ведет. Поэтому практика перестраивает всю методологию науки» [2, с. 387–388].

Из этого «прокрустова ложа» ученые получили возможность вырваться не более двух десятков лет тому назад. Для этого им пришлось вернуться к наследию отечественной психологии и исходить из понимания, что, «если человек развивает идею совершенной личности (совершенная Личность – Бог) – то, соответственно, по принципу достижения именно такого духовного облика выстраивается и сама личность человека» [3, с. 7].

Внутреннее
пространство
личности

Тенденция введения психологического содержания святоотеческого учения о человеке и его внутреннем мире в систему понятий современной науки, обращение к теме *личности* человека как образа и подобия Божия, все настойчивее пробивает себе дорогу [4]. Такой подход нашел воплощение в материалах научных конференций, проводимых в рамках Челпановских чтений и Международных Рождественских образовательных чтений [5].

С начала 1990-х гг. над исследованием проблемы личности успешно работает научная школа «Феноменология развития и бытия личности», руководимая академиком РАО профессором В. С. Мухиной. Применительно к исследованию феномена личности новомучеников в процессе канонизации святых XX столетия исключительно продуктивной оказалась ее идея о наличии внутреннего пространства личности, формируемого в условиях внешней среды бытия человека, особенностей его генотипа и внутренней позиции самого человека [6].

Цель данной статьи – привлечь внимание исследователей к *феномену личности новомучеников Русской православной церкви XX столетия*, которые в экстремальных условиях сохранили и укрепили в себе нравственные и религиозные идеалы, являвшиеся центральными идеалами человека в России.

Поступок как
проявление духовно-
нравственных
качеств личности

Для современного общества жизненно необходимы примеры, на которые оно могло бы опереться. Особенно ценно, когда людям удается сохранить и осуществить свои принципы в условиях для этого неблагоприятных. Автор на основе собственных исследований жизненного пути тысяч лиц духовного звания и мирян, пострадавших за веру в годы антирелигиозных гонений, полагает, что плодотворность теоретических и методологических поисков в сфере гуманитарного знания о человеке заклю-

Свобода как
возможность
проявления
нравственных
качеств личности

чается в осмыслении духовно-нравственных качеств личности, наиболее ярко проявляемых в поступке.

Празднование 1000-летия Крещения Руси, принятие Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» [7], открытие доступа к изучению ранее закрытых законодательных актов и архивных документов государственных органов впервые создали реальные возможности для объективного изучения информации о человеке в экстремальных условиях обрушившихся на него репрессий. Именно тогда человек, имея свободу воли, совершал свой выбор вопреки предложениям действительности, но согласно со своими нравственными критериями.

Русская православная церковь использовала эти возможности изучения и осуществила комплексное всестороннее исследование источников устной истории и архивных документов (в том числе из архивов режимных ведомств). Впервые был изучен многотысячный комплекс судебно-следственных дел по обвинению духовенства и мирян, пострадавших за веру. В собранных материалах во всех деталях предстала не получившая освещение в советской историографии трагедия людей, оказавшихся под игмом власти, которая в течение семи десятилетий проводила политику искоренения традиционных основ жизни народа и его культуры, укорененных в православии.

Акт канонизации
святых XX столетия
и его духовный
смысл

Освященный Архиерейский Собор в 2000 г. причислил к лику святых около полутора тысяч мучеников и исповедников XX столетия, кровью которых ныне вновь созируется Русская православная церковь [8]. Состоявшаяся канонизация, которая раскрыла содержание духовного подвига многих людей, дает ключ к пониманию духовного смысла трагических событий XX века. Все, что произошло тогда на русской земле, трудно охватить человеческим разумом (особенно на уровне обыденного сознания). В 1914 г., когда началась Первая мировая война, все происходящее воспринималось в рамках привычного.

И вдруг за несколько лет произошел полный переворот в народном сознании. Конечно же, многим людям психологически было нелегко освоиться с новой действительностью. Они не понимали, что столкнулись со страшными разрушительными силами, о существовании которых раньше не задумывались. Если кто и видел или предчувствовал их приближение, то не предполагал, с какой мощью они развернутся, и к каким жестоким последствиям приведет этот процесс. Множество русских людей оказалось в то время перед выбором: или

исповедничество – или отступничество. Сделанный выбор (или отказ от него) нашел свое выражение в конкретных поступках конкретных людей.

Однако ответ на ключевой вопрос: каковы основания, согласно которым субъект осуществляет свой ответственный выбор возможностей, реализующийся в совершении поступка, по-прежнему не найден, поскольку кроется за ограничительной линией материалистической методологии.

Жития
новомучеников как
объект для научного
анализа

В этой связи святоотеческое наследие Русской православной церкви и жития новомучеников и исповедников, составленные на основе всестороннего и комплексного изучения архивных первоисточников, представляют немалый интерес в качестве объекта и предмета для научного анализа [9].

История христианства сохранила документально засвидетельствованные уникальные данные: зачастую христианин, оказавшийся перед угрозой мучения и насильственной смерти, выдерживал мучительные пытки лишь в том случае, если ему удавалось отказаться от борьбы и достичь смирения.

Борьба во внешнем мире приводит при некоторых условиях к победе, а отказ от борьбы – к поражению. Однако в духовном мире (как и в материальном, если мы ставим его иерархически в подчинение духовному) смирение приводит к духовной и нравственной победе, ибо дает место действовать Богу. Анализ архивных материалов показывает, что человек самонадеянный зачастую при испытаниях ломался, поскольку неразумно надеялся лишь на себя. Человек смиренный надеялся на Бога, и это помогало ему устоять при любых внешних испытаниях. Исследование опыта новомучеников показало, что именно в этом заключается ответ на вопрос: почему одни люди выдерживали физическое и психологическое давление, а другие – нет. В Библии сказано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4: 6). Могут ли стать победителями те, кому противится Бог?

Духовный опыт
новомучеников

Церковь опытно знает, что в тот момент, когда человек оказывается под пытками, в опасности, в окружении людей, готовых обманывать его ради достижения неправедных целей, уже нельзя полагаться ни на свою силу, ни на свой разум, ни на свое мужество. Когда человек противостоит системе, ему кажется, что он незащищен перед духовным воздействием зла. Он как бы противостоит стихии, где прямое столкновение может разбить его утлую ладью в щепки.

Однако разрушительна для человека не сама стихия, а тот ужас, который она наводит на его душу. Она показывает свое могущество и вседозволенность, которая лишь кажется таковой человеку, который в состоянии душевного потрясения и утраты равновесия не видит границ власти этой стихии.

Человек в какой-то момент осознавал полную свою незащищенность

Государство, исповедовавшее атеизм как официальную идеологию, беспечливо заявляло, что хочет раздавить, уничтожить несогласного с ним человека, не оставляя ему иного выхода, кроме смерти. Сталкиваясь с враждебной ему государственной машиной, которая, как он думал, вот-вот готова его раздавить, человек в какой-то момент осознавал свою полную незащищенность. Он оставался лишь «под покровом своей кожи», как говорили святые отцы, и ему ничего не оставалось в жизни, кроме смирения. Именно тогда у него открывались глаза на многие духовные явления. Становилось очевидным, что он не положил начало самому главному в своей жизни – очищению и исправлению души. И в этот момент человек начинал понимать, что такое молитва. В преддверии своей смерти человек видит прожитую жизнь: она предстает перед ним как недостойная высоких целей и задач.

Смиряясь, человек получает помощь свыше. Помощь, которая помогает ему устоять: не обогатить ни себя, ни других и преодолеть испытания. Такое самоумаление является естественным для христианина высокой духовной жизни. Но если у человека, находящегося в тюрьме, не было смирения, если он рассчитывал только на свои силы, то Господь как бы покидал его, оставляя один на один с государственной системой, которая в те времена настроена была крушить все подряд, заявляя о себе как о разрушительнице старого мира (загадочный «будущий новый мир» был только в проекте).

Испытания, которые пришлось перенести христианам XX столетия

Эта христианская мудрость вполне подтвердилась во время испытаний, которые пришлось перенести христианам России в XX столетии. Изучение тысяч судебных дел показало, насколько бывает ошибочно впечатление в отношении отдельного человека, основанное исключительно на представлении о нем окружающих его людей и на даже собственном понимании человеком себя. Внутреннее пространство человека глубоко сокрыто от внешнего взора, а иногда и от него самого.

Поучительны в этом отношении сходные судьбы двух девушек – *Татьяны Николаевны Гримблит (1903)* и *Татьяны Николаевны Стоговой (1902)*. Они родились в семьях, принадлежащих к достаточно при-

вилегированному в императорской России сословию служилых людей. И хотя в этом сословии они занимали несколько разные иерархические ступени, однако внешние блага и обстоятельства их жизни были почти одинаковы. Обе они были окружены в семьях большой любовью, обе получили хорошее воспитание и образование, вполне развившие их дарования.

Одинаковость
внешних
обстоятельств

Татьяна Гримблит – дочь служащего акцизного управления, Татьяна Стогова – дочь генерала русской императорской армии, после большевистской революции возглавлявшего в эмиграции Общество офицеров генерального штаба. Все первоначальные условия жизни обеих были примерно одинаковыми, разница была – в выборе каждой самостоятельного жизненного пути.

Дочь служащего
акцизного
управления

Татьяна Гримблит была арестована в 1925 г. за помощь заключенным и обвинена в контрреволюционной деятельности. В тюрьме, отвечая на вопросы следователя и отвергая ложные обвинения в контрреволюционной деятельности, она сказала: «С 1920 г. оказывала материальную помощь ссыльному духовенству и вообще ссыльным, находящимся в Александровском центре, Иркутской тюрьме и Томской, и в Нарымском крае. Средства мною собирались по церквям и городу как в денежной форме, так и вещами и продуктами. Деньги и вещи мною посылались по почте и с попутчиками, то есть с оказией» [10, л. 8]. За помощь духовенству и ссыльным она была приговорена к трем годам ссылки в Зырянский край. Освободившись, она одному из епископов Русской церкви, находившемуся тогда в ссылке, в стиле, должном скрыть ее обеспокоенность возможным его арестом, писала: «Откликнитесь, солнышко милое. А то я беспокоюсь, не случилось ли с Вами чего недоброго. Напомните мне географию. Далеко ли Бирск от Уфы? Пишите мне, я уже крепко соскучилась о Вас, родной мой» [11, с. 48–49].

Дочь генерала
русской
императорской
армии

Татьяна Стогова была арестована в 1923 г. за помощь епископу Белевскому, викарию Тульской епархии Игнатию (Садковскому). Из тюрьмы она писала сестре, а через нее и другим своим сестрам: «Ненаглядная, родная, дорогая моя сестричка. В Белеве меня допрашивали один раз, в Туле же два. Обвинения ужасные: контрреволюция, провокация, агитация. Главный обвинительный документ: мое прошение на имя преосвященного <...>, чтобы не оставил нашу паству, где говорится, что мы, Ваша паства, сумеем постоять за своего епископа, защитить его от всякого насильственного воздействия.

В последних словах видят главную контрреволюцию, якобы защита не от живоцерковников, а от советской власти. Провокацию видят в организации крестьян 9-ти деревень вокруг Жабыни против “Живой церкви”. Меня пугают тем, что я буду караться строже всех в силу сословного происхождения, как генеральская дочь. Последний раз допрашивали меня два с половиной часа два следователя: “Признайте, – говорит мне, что епископ Игнатий контрреволюционер, и мы вас меньше покараем”. Я ответила: “Хоть десять лет буду сидеть, этой лжи не скажу, он глубоко верующий человек”. Я на допросах очень смела, наружно сохраняю полное спокойствие, даже небрежность. Всячески стараются меня сбить, но это не удается, уверяют, что я развита не по годам, министерская голова. Раз на допросе прослезилась, когда стали оскорблять нашу дорогую веру и Церковь, теперь это особенно дорого моему сердцу <...>. Пока ехали в Тулу, владыке больному я была вроде няни, кормила, поила, укладывала и все передала, что нужно, на словах о допросах.

От имени владыки как-нибудь тайно скажите всем, чтобы твердо держались православия. Живоцерковников сторонитесь во всем. Один за ними грех. Простите все мои грехи вольные и невольные. Любите друг друга, и Господь вас будет любить. Не чуждайтесь людей. Будьте ласковы, общительны, и все вас будут любить, это главное. Уныние – грех. Молитесь за меня. Молитвы спасут от всего. Тоскую без нашей обители, без храма, такова воля Божия, надо потерпеть. Говейте, причащайтесь. Молитесь за всех нас, заключенных. Все пройдет, все мимо идет, бодритесь. Будьте достойны своего отца. Бог не оставит <...>. Храни вас Бог, Христос с вами. Пришлите осеннее пальто, колпак, юбку и несколько кофточек. К Пасхе черные туфли, чулки, *хочу быть приличной*» [12, л. 175–177].

Принуждение к лжесвидетельству и противостояние

Посланное сестрам письмо Татьяны ясно, ярко и точно отражает ее душевный настрой и христианскую позицию, когда принуждаемая к лжесвидетельству против епископа она говорит: «Хоть десять лет буду сидеть, этой лжи никогда не скажу, он глубоко верующий человек». Татьяна Стогова в 1923 г. была приговорена к одному году заключения в Соловецкий концлагерь.

Разница в выборе окончательного пути – в непреодоленности эгоцентризма

Однако при всем сходстве внешних обстоятельств (тюремное заключение, забота и помощь страждущему архиерею Русской церкви) есть и различие. Это различие – в направленности переживаний. Если переживания Татьяны Гримблит целиком поглощены заботой о другом

человеке и выражаются в тревоге за его судьбу («не случилось ли с Вами чего недоброго»), в напоминании-намеке, что следует прислать точный адрес («Напомните мне географию. Далеко ли Бирск от Уфы?»), подразумевая в дальнейшем оказание конкретной помощи, то переживания Татьяны Стоговой до некоторой степени эгоцентричны. Они направлены на себя («хочу быть приличной»), а зеркало раскрытых ею в письме обстоятельств в большей степени отражает ее собственные переживания, нежели обстоятельства других людей, нуждающихся в помощи («Я на допросах очень смела, наружно сохраняю полное спокойствие, даже небрежность»). Она оказывается чувствительной к лести следователей в свой адрес («развита не по годам, министерская голова»), которая только потому и попала в повествование, что нашла сочувствие в ее душе, хотя должна была бы вызвать отвращение или, по крайней мере, чувство опасности за неблагополучное состояние души.

Забота о ближнем –
доминирующее
чувство

Татьяна Гримблит в последний раз была арестована в 1937 г. Уже в то время, когда сотрудники НКВД были в доме, она нашла мужество написать письмо подруге, в котором вполне отразилось мирное и твердое состояние ее души: она спокойно отдает все свои нехитрые распоряжения, направленные на то, чтобы, прежде всего, не обременить других даже своим арестом (она просит известить родных и отправить им оставшиеся вещи уже после того, как ее вышлют из этого места). Татьяна писала: «Ольга, родная, прости! Прибери все. Получи белье от Дуни. Белье прибери в коробку, которая под кроватью. Постель и одежду зашей в мешки. Когда меня угонят отсюда, то только через десять дней пошли все маме, известив ее сначала о моем аресте письмом. Напишешь письмо, а потом через пару дней шли вещи. Ну, всех крепко целую. За все всех благодарю. Простите. Я знала, надев крест, тот, что на мне, – опять пойду. За Бога не только в тюрьму, хоть в могилу пойду с радостью». На допросе, в тюрьме, на вопрос следователя, признает ли она себя виновной в том, что вела антисоветскую агитацию, она отвечала: «Никакой антисоветской агитации я нигде не вела. На фразы, когда, жалея меня, мне говорили: «Вы бы лучше оделись и поели, чем посылать деньги кому-то», я отвечала: «Вы можете тратить деньги на красивую одежду и на сладкий кусок, а я предпочитаю поскромнее одеться, попроще поесть, а оставшиеся деньги послать нуждающимся в них» [13, л. 19].

22 сентября 1937 г. тройка УНКВД по Московской области приговорила Татьяну Гримблит к расстрелу.

Эгоцентричность переживаний центрированных на себе

Она была расстреляна на следующий день и погребена в общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. Память мученицы Татьяны Гримблит празднуется Русской православной церковью 23 сентября.

Татьяна Николаевна Стогова была арестована вторично, уже будучи замужем, в 1934 г., за переписку с отцом, о котором она когда-то писала сестрам: «Будьте достойны своего отца». Эта переписка имела бытовой, семейный характер и была вполне естественна в отношениях между отцом и дочерью, которые оказались в бессрочной разлуке. В это время ее жизненные приоритеты сошлись на устройении земного благополучия, насколько это было тогда возможно. Это было сопряжено «с понижением» нравственного идеала. За эту переписку Татьяна Николаевна 2 февраля 1934 г. была приговорена тройкой ПП ОГПУ по Московской области к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере и отправлена в Юргинское отделение Сиблага.

Заявление – отречение от своего отца

21 марта 1934 г. она, находясь в лагере, подала властям заявление: «Я, гражданка Малахова Татьяна Николаевна, урожденная Стогова, отказываюсь от своего отца – Стогова Николая Николаевича, находящегося за границей в Париже, объявленного нашей Республикой вне закона и врагом народа, как от генерала, находящегося в рядах организаций, враждебных СССР, а также от всех родственников, поддерживающих связь с таковым. Клеймлю такового позором и заклинаю вечным врагом своей страны <...>» [14, л. 140]. Это заявление, однако, не повлияло на изменение судебного приговора: она была освобождена только в 1936 г. и поселилась в Рязанской области. В 1946 г. она подала заявление о снятии судимости, но ей в этом было отказано [14, л. 163].

Самоотверженное служение Богу и отказ от Бога

Сделанный Татьяной Гримблит выбор идеала и самоотверженное ему служение («За Бога не только в тюрьму, хоть в могилу пойду с радостью») выявил прочность ее позиции при любых испытаниях, тогда как отказ от служения Богу, перевод жизни исключительно в плоскость бытовой действительности, утрата идеалов привели Татьяну Стогову к предательству самых близких людей и потере прочного фундамента во время жизненных испытаний. Одна трудилась, чтобы, потеснив свое «я», открыть в своем сердце место для любви ко многим людям; у другой «я» заняло значительное место в душе, не оставив места для самых близких и родных людей.

Всякий, слушающий Его слова и исполняющий их...

Как мы можем предположить, основная причина состояла в том, что у одной стремление к идеалу осталось в области намерений, у другой – перешло в область

практического осуществления. Как к христианкам, к ним вполне применимо слово Христово о том, что всякий, слушающий Его слова и исполняющий их, подобен человеку, построившему свой дом на глубоком и прочном фундаменте, когда не может поколебать никакая разбушевавшаяся стихия, а слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему свой дом на песке, без фундамента, когда стихия до основания его разрушает, причем само разрушение для человека связано с большими потрясениями (Лк. 6: 48, 49).

Многие документы из рассекреченных в конце XX столетия судебно-следственных дел свидетельствуют, что новомученики и исповедники Русской церкви выстояли потому, что вера была для них тем единственно главным, что они хотели сохранить и сохранили в себе. Это было то, перед чем следствие отступало даже в периоды, когда исполнение законов воспринималось следователями как не обязательное.

Сохранение семьи
в экстраординарных
условиях

Существенным для общества является сохранение в экстраординарных условиях традиционных ценностей. Таких, как семья.

Содержание житий многих прославленных Церковью святых свидетельствует, что большей частью первоначальные религиозные и нравственные представления они получили в семье. Для сохранения гражданского общества, сохранения основ национальной культуры, сохранения государства необходимо существование и сохранение семьи как социального института, вбирающего в себя весь комплекс нравственных правил, которые вырабатывались в течение столетий, являясь результатом исторического опыта, выразившего нравственные и религиозные идеалы.

Для современного общества актуальными и жизненно необходимыми становятся те идеалы и примеры, на которые оно может опереться. Особенно они существенны, когда людям удалось сохранить и осуществить свои принципы в условиях для этого неблагоприятных.

Внутренняя
ответственная
мотивация человека

Приведем пример семьи *священномученика Тихона и исповедницы Хионии Архангельских*. Он раскрывает феномен личности человека, в поступках которого отчетливо проявляется внутренняя ответственная мотивация следования евангельским заповедям во всех внешних обстоятельствах жизни [15].

Русская православная церковь празднует их память 17 октября. На Руси всегда справедливо представлялось, что семья и воспитание детей есть ценность и немалая. Отец Тихон родился в 1875 г., а Хиония Ивановна – в 1883 г. Они

жили в селе Троекурово Воронежской области, а затем, вследствие гонений на Церковь, им пришлось переехать в село Куймань, где отец Тихон по благословению епископа Липецкого Уара (Шмарина) служил священником. У благочестивых родителей родилось восемнадцать детей, девять из которых умерли во младенчестве. Супруги растили детей, не смущаясь бедностью, в которой им тогда пришлось жить. Они приучали детей ко всякого рода труду, что помогло тем впоследствии пережить лишения. Воспитанием детей занималась, как и полагается, мать, Хиония Ивановна. Она научила их молиться и при всех трудностях обращаться к Богу. Во все большие и малые церковные праздники дети вместе с нею шли в храм. Она приучила их поститься в соответствии с церковным уставом. В посты откладывалось чтение светских книг, читался лишь Закон Божий. Прочитанное дети пересказывали отцу или матери. Поскольку времени, свободного от работы, было немного, то пересказывали за работой – в огороде или в поле, за вязанием чулок или варежек.

Оружие – крест и молитва

9 августа 1937 г. отец Тихон был арестован. «Оружие есть?» – спросил его сотрудник НКВД. «Есть! – ответил священник. – Крест и молитва!». Священника заключили в тюрьму в г. Липецке, где следователь требовал от него признательных показаний. Документы судебно-следственного дела дают яркое представление о позиции мученика.

«Преступных и других каких-либо связей у меня нет»

«Свидетельскими показаниями вы достаточно уличены в антисоветской деятельности, проводимой среди населения села Куймань. <...> Следствие требует от вас правдивых показаний», – требовал от священника следователь. «<...> в моем понимании коммунисты – народ неверующий, заблудившийся, пропащие и народ ведут к гибели в будущей загробной жизни. Они должны познать Бога. На земле абсолютной правды нет, а правда есть только на небе», – отвечал тот. «Вы высказывали террористические намерения по адресу партии и правительства?» – «Террористических намерений <...> я никогда не высказывал и не считаю себя в этом виновным». – «Расскажите о ваших преступных связях». – «Преступных и других каких-либо связей у меня нет» [16, л. 2].

Подобного рода допросы продолжались в течение двух месяцев. Следователь спрашивал, состоял ли священник в контрреволюционной организации, которую возглавлял епархиальный архиерей, и получал ли он от него задания по ведению контрреволюционной деятельности. На все отец Тихон отвечал категорическим отказом и несогласием.

Приговоренный
к расстрелу
не отрекся

4 октября 1937 г. тройка НКВД приговорила протоиерея Тихона к расстрелу [16, л. 21]. В провинциальных городах, где родственники иногда соприкасались со служившими в тюрьмах, те порой передавали поразившие их самих подробности поведения заключенного на следствии или во время его казни, как в случае священномученика Тихона. Перед расстрелом палач спросил его: «Не отречешься?» – «Нет, не отрекусь!» – ответил священник. И протоиерей Тихон Архангельский был расстрелян.

После ареста мужа Хиония Ивановна не оставляла попыток узнать о его участи и не раз ходила к местным властям, требуя от них ответа. Они отмалчивались, и она, как человек решительный и прямой, сделала им за это выговор. А выходя из сельсовета, сказала: «Мужа забрали, ничего от них невозможно добиться, это какое-то безобразие».

Один из представителей власти однажды пригрозил ей: «Смотрите! Вы слишком много болтаете! Мы и вас заберем!» – «Вот и хорошо! – ответила Хиония Ивановна. – Заберите меня, пожалуйста, я там, может быть, с отцом Тихоном увижусь!»

Вскоре после этого разговора Хиония Ивановна уехала в Москву к жившим там сестрам, а в ее отсутствие к ней пришли с обыском. Когда она вернулась и узнала о происшедшем, то сказала: «Надо собираться. Я уже чувствую, что возьмут. А я прятаться ведь не буду. И уж раз вызывали, я сама лучше пойду к ним».

Приготовившись к аресту, она собрала все необходимые вещи и вместе с дочерью Еленой пошла в сельсовет. Это был вечер 12 декабря 1937 г. Здесь Хиония Ивановна поздоровалась, назвала себя, а затем, напомнив, что они уже приходили за ней, спросила: «В чем дело? Зачем я вам нужна?» – «Оставайтесь. Вы тут останетесь», – сказали ей.

И Хиония Ивановна попрощалась с дочерью. Всех арестованных отправляли в село Трубетчино. Дочь, придя домой, собрала продукты, взяла бидон со святой водой и отправилась в Трубетчино, где встретила с матерью и все ей передала.

Феномен мышления
праведницы

В тюрьме Хиония Ивановна написала письмо детям; она писала его урывками в течение нескольких дней. Она начала еще до официальных допросов и окончила после того, как следствие было завершено, что дает возможность проанализировать официальные протоколы следствия и сравнить их с записью происходящего, сделанной самой подследственной. «14/XII. Дорогие мои

дети, – писала она, – вот три дня я в клетке, а думаю – вечность. Допроса форменного не было еще, но спросили, верю я в то, что Бог спас евреев, потопив фараона в море, я сказала, верю, и за это меня назвали троцкисткой, которых нужно уничтожать, как врагов советской власти. Теперь я на себе испытала, как слово Спасителя ни едино не пройдет не исполнено. Я в жизни своей имела всегда грех судить, других осуждала без всякого на то права, и вот теперь сама попала под суд, а если бы никого не судила, была бы не судима. Была властна, все делала, как мне угодно, вот теперь лишили свободы, без разрешения и на двор не ходим, а терпим от раннего вечера до полного рассвета, что некоторым мучительно, поэтому приходится больше говеть и меньше есть и пить» [17, л. 3 (1)].

Религиозное мышление праведницы

В личности Хионии Ивановны мы можем видеть яркое проявление религиозного феномена мышления праведницы. Оно весьма отлично от мышления политических противников власти, которые тоже подвергались репрессиям, но которые во всех бедах, с ними приключившихся, зачастую видели виновными своих противников. Праведник же, каковой на деле и была Хиония Ивановна, видит в обстоятельствах, с ней приключившихся, действие Промысла Божия. Ее внутреннее духовное зрение направлено, прежде всего, на греховные первопричины в своей душе и способы их исправления; ее внутренние усилия направлены на преображение. Из переживаемых страданий праведник делает вывод не о своей праведности, а ищет в своей прошлой жизни упущения, недостатки, спешит раскаяться в них перед смертью и дать обеты – исправить их, если Богу угодно будет продлить его жизнь. Новомученики хорошо понимали, что и жизнь их, и смерть – все в руках Божиих, они могут быть лишь ревностными исполнителями Его заповедей.

Готовность умереть по-христиански

В крайних обстоятельствах, в которых Хиония Ивановна тогда находилась, она не потеряла способности здраво рассуждать, не унывала и не печалилась. Она сохранила мирное состояние души, действуя так, как будто находится дома, в привычной обстановке. Не обращая внимания на свое положение заключенной, она отдает распоряжения детям, дает им наставления. Многие люди, попадая в крайние, грозящие им смертью обстоятельства, забывали о своих ближних. Охваченные состоянием паники, они не видели никакого выхода для себя, совершая иногда в этот момент пагубные поступки. Насколько же надо по-христиански жить,

Ответственный
выбор праведницы
в экстремальных
обстоятельствах

чтобы быть готовым в любой момент по-христиански умереть, что мы и видим на примере исповедницы Хионии. В этом же посланном из тюрьмы письме вполне отражено, как человек любил и заботился об окружающих. Вряд ли вспомнились бы человеку бытовые детали и подробности того, как и что нужно сделать, если бы забота и любовь к ближним не пронизывали его душу.

«Дорогие мои, – пишет Хиония Ивановна детям из тюрьмы в ожидании допроса, – возьмите себе на память о мне хоть по маленькой вещичке из бедного моего имущества. Дорогой Володя просил карточку, дайте ему <...> и с птичками мою кружку, она у Веры в квартире, – Володе. Лене – [швейную] машину и чайную ложечку. Ируша, если ты не получила по квитанции деньги, то у Лены есть папины деньги, немного, тогда вместе их тратьте, а о нас с отцом не поспешите, лампаду Господу жгите и молитесь, чтоб Господь меня и вас укрепил в Его святой вере. Не судите меня, но, прошу, простите и молитесь. Дорогого Мишу и Володю очень жалею, но если они женятся в такое трудное время, то еще больше жалею; но если не могут не жениться, то выбирайте жену с благословения Божия, а по-собачьи не сходитесь, можно благословение получить – знаете, как. <...>

Дорогая Ируша, спеши деньги получить по колхозной справке и возьми из моего пальто стежку, отнесите с Леной к Прасковье Ивановне, и она с другой старушкой накроют тебе пальто твоим спорком. Лене к пальто нужно верх или весь новый, или подбавить к красному спорку, а лучше бы спорок красный – ребятам, а ей два метра купить без четверти, а сшить ей необходимо длинное пальто с воротником <...> но, в общем, спешите обе вы себе пальто поделайте <...>, в Лебедяни, я думаю, это сделать дешевле, и, думаю, они, то есть Прасковья Ивановна со старухой, не унесут у сирот и сделают тепло. Рясы папины – драповую Лене, а холодную пусть пока бережет – сгодится. А теплую стеганую рясу хотела я Фролушке на помин, а там как вы знаете, но что-нибудь ему необходимо дать. Ряса-то для вас всех кроме как вместо одеяла ни на что не годится. <...>

Ира, необходимо обе бурки вам спешить сшить, тебе и Лене, а кожу для них из папиных сапог, и серые валенки также подшить кожицей из голенищ, и тогда они в галоши хороши будут. <...> Ира, уж очень в бурках удобно, делай для себя, но только потолще их настегать, теплее. Не продавайте обуви, вас много. Папины валенки мне бы хотелось Володе на память. Ребятки пусть берегут свою обувь; детки, все башмаки блюдите в

порядке. Коля, те ботиночки с галошами, дорогой, найди и рыбьим жиром намажь, они сохранятся дол- жее» [17, л. 13 (2–3)].

«В антисоветской деятельности виновной себя не признаю»

Наконец, 20 декабря 1937 г. состоялся первый допрос, нашедший свое отражение в протоколе. Следова- тель спросил Хионию Ивановну: «Вы обвиняетесь в антисоветской деятельности, признаете себя вино- вной?» – «В антисоветской деятельности виновной себя не признаю», – ответила она. «Свидетельскими показа- ниями вы достаточно изобличаетесь в антисоветской деятельности, дайте правдивые показания». – «Свиде- тельские показания я отрицаю <...>». – «Вы лжете, следствие требует от вас правдивых показаний». – «Я следствию даю только правдивые показания, никакой антисоветской деятельности я не проводила». – «Вам зачитываются показания свидетелей о вашей антисо- ветской деятельности <...>, признаете себя вино- вной?» – «Свидетельские показания о моей антисовет- ской деятельности я отрицаю <...>» [17, л. 6].

«И проводили меня опять под замок»

Этот допрос отразился в ее письме таким образом. «Сию минуту меня допрашивали, чем я занимаюсь в Куймани, – писала Хиония Ивановна детям. – Вы уберет- ь ли из Куймани? Вы агитацией занимаетесь против советской власти, как ваш муж, вы сектанты, не велели Ждановой* идти в колхоз, и она не пошла. Я говорю, что это все ложь, никому я этого не говорила, пусть будет мне очная ставка, я лжи не боюсь, а мой муж сам против сек- тантов выступал. Он говорит, где ваш муж? Я говорю, не знаю. Как, не знаю? Он контрреволюционер, он сам мне сказал, что у советской власти правды нет, его нужно расстрелять; а вы уберетесь из Куймани, паразиты? Я говорю, если прикажете, то уберусь, и давно бы убралась, если бы мне сироты** не вязали рук. Что ваша дочь делает, чем занимается, на какие средства вы живете? Говорю, дочь продала свой домишко и проживаем [его]. Что вы в Куймани свили гнездо? Чего не убираетесь оттуда, там люди работают, а вы паразиты? Вы у меня дождетесь лагеря, я вас в лагерь упеку. Я говорю: воля ваша. А я жизнь жила, грешила и должна понести наказание за грехи. Но начальник зашумел: враг! враг! самый настоя- щий враг! пишите акт (к секретарю). И проводили меня опять под замок» [17, л. 13 (4–5)].

Непреодолимая глубина религиозного самосознания

Здесь для нас весьма любопытно и важно, что следо- ватель религиозную аргументацию, чисто внутренние

* Хозяйка дома, у которой они жили.

** Четверо детей вдовой дочери Ирины.

качества человека, его настроенность интерпретирует как антигосударственную настроенность. Следовательно грозит заключением в лагерь, подследственная вполне соглашается – «воля ваша... я жизнь жила, грешила и должна понести наказание за грехи», но такая интерпретация наказания совершенно не устраивает следователя. Естественно, что на этом – когда позиции выяснены и следователь сталкивается с непреодолимой глубиной и органичностью религиозного самосознания человека, – все допросы прекращаются. Слишком ясно, что человек находится на ином, вне мирских интересов поле. Если человек, которого собираются наказать за несодеянное, интерпретирует это как наказание за грехи, но не соглашается при этом с ложным обвинением, то с таким человеком ничего сделать нельзя. Он со всем смирился, и потому любая угроза ему станет бездейственной. Хиония Ивановна, видя, к чему клонится дело, спешит предупредить близких: «Ну, дорогие, спешите убраться из Куймани быстрее, а то и Иру и всех размечут, а я прошу вас, надейтесь и молитесь – Бог не без милости, нигде Своих рабов не оставит без помощи, <...> и молитесь Богу, чтоб Он укрепил Своих рабов, привет мой всем, всем и спасибо вам за ваши труды. Простите меня. Храни вас Господь и Его Пречистая Матерь.

Дорогая Варя! Как ты? Как твоё здоровье? Чего тебе на память, сама не знаю, возьми себе для халата дедушкин пояс, на отделку, и ещё чего найдешь. Не забывай Бога, ребенка окрести, если некому, то бабушка любая или сама, достань святой водицы, а самое лучшее, Софья Ивановна у себя сами окрестят – это и папа всегда говорил бабке делать, а не крещеного не оставь. Будь здорова, пекитесь вместе о всех детях и Лене, и о их выезде к Тимофею.

Вера! Принимай участие и ты. Судя по допросу, у начальника никакого материала не было, но он очень и очень строго шумел на меня. Я никогда ничего не говорила [никому] из крестьян что-либо про с[оветскую] в[ласть], ну а ложь всегда может быть. Ну, будьте здоровы, ваша мать. Храни вас Господь» [17, л. 13 (5–6)].

31 декабря 1937 г. тройка НКВД приговорила Хионию Ивановну к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Заключение она была отправлена отбывать в тюрьму в городе Шацке Рязанской области.

После освобождения из заключения в конце 1944 г. Хиония Ивановна поселилась у дочери в деревне неподалеку от села Тютчево. В это время она уже тяжело болела и почти не вставала с кровати, но все же взялась

Приговор к восьми годам исправительно-трудовых лагерей

подрабатывать шитьем. Давали ей за работу продукты. Часть из них она отдавала дочерям, а часть оставляла на свои поминки. Она усердно молилась и заготавливала все на смертный час, чтобы по возможности никого не обременить.

Христианский образец семейной жизни женщины, жены, матери

Хиония Ивановна скончалась в декабре 1945 г., став вместе со своим супругом, священномучеником Тихоном, христианским образцом семейной жизни, воспитания детей и молитвенницей за всех желающих благоустройства семьи.

Хиония Ивановна – хрестоматийный образец женщины, жены, матери, гражданина своего Отечества, человека, воплотившего в себе беспредельную и самоотверженную любовь к ближнему и осуществившего свой земной путь по евангельским заповедям.

Нравственный идеал человека, созданного Творцом

В феномене личности Хионии Ивановны воплощен нравственный идеал человека, созданного Творцом. Приведенные примеры из житий новомучеников позволяют видеть:

1 – Поведение и поступки человека, личность которого имеет реальное внутреннее пространство, устремлены к Богу. Эти сущностные ориентиры, практически не подверженные изменениям внешней среды, сохраняют высокую степень жизнестойкости и самоотверженности в защите и оказании помощи людям.

2 – Механизмы развития и бытия личности, которые выявлены и описаны В. С. Мухиной (как идентификация – обособление), есть сущностные особенности человека. Они проявляются при анализе феномена личности новомучеников.

Жития новомучеников как основа воспитания нравственных идеалов

Из изложенного можно сделать следующие выводы. Введение житий новомучеников, в частности Тихона и Хионии Архангельских, в образовательно-воспитательные программы наших школ будет способствовать возрождению традиционных основ народной жизни, воспитанию подрастающего поколения на примерах тех, кто воплотил в своей жизни нравственный идеал. Семья – хранитель и носитель нравственных ценностей и мировоззренческих постулатов. Воспитываясь в семье, человек становится и гражданином, и создателем культурных ценностей, и христианским подвижником.

С начала XX столетия семья как социальный институт стала подвергаться сначала нападкам, а затем, после революции 1917 г., уничтожению с помощью репрессивного аппарата и идеологического давления. Этот же процесс мы наблюдаем и сейчас в попытке сменить нравственные идеалы народа. Так, например, современная пропа-

ганда призывает к жизни ради своего удовольствия, к эгоцентризму. Это, как мы видим на примере Татьяны Стоговой, приводит к предательству других. Христианская семья, напротив, учит самоограничению и жертвенности и потому даже в состоянии социальной разрухи способна созидать. Она – социальный элемент, препятствующий процессам распада личности и государства.

Русская литература давала образцы нравственного поведения

Когда-то русская литература, будучи по существу христианской, давала человеку образцы нравственного поведения. Теперь образцы нравственного поведения (и в отношении к жизни, и в отношении к своему долгу, и в отношении к смерти) даны нам в житиях новомучеников, которые, может быть, есть единственное безоговорочное созидающее достояние ближайшего к нам по времени исторического периода. Возможно, они – единственные последнего времени наши молитвенники и попечители.

Личность в святоотечественном понимании

В заключение подчеркнем, что признаки личности в святоотеческом понимании и отечественной культуре носят исключительно позитивный характер, говоря о цельности натуры и высоте ее духовно-нравственного состояния. Сущностные особенности личности новомученика определяет реальность его внутреннего психического пространства, вобравшего заповеданные Богом нравственные идеалы, реализуемые в мотивации и осуществлении поступка. Но если это так, то личность надо формировать, возвращать на уже имеющихся духовно-нравственных идеалах народа, которые уходят корнями в православие. Такие идеалы воплощены в житиях наших святых. Образцы и примеры их жизни являются созидательными компонентами не только для конкретных людей, но и для общества и государства. Все большее число россиян воочию убеждаются, что новомученики, пострадав сами, приобщают к своему духовному опыту, помогая в настоящем и молясь о нашем будущем.

Церковь неустанно предупреждает: предавая забвению подвиг новомучеников, исповедников и всех святых, люди произвольно лишаются их помощи и поддержки. Забвение благодетелей, отсутствие понимания, чем мы им обязаны, уничтожает в нас саму способность благодарить, что всегда приводит к тяжелым историческим и личным последствиям.

1. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. – М., 2005.

2. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса: Собр. соч.: в 6 т. – Т. 1. – М., 1982; *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии: 2-е изд., 1976. – С. 253 – 381.

3. *Снегирев В. А.* Субстанциональность человеческой души. Самосознание и личность. – СПб., 2006.

4. *Неллас П.* Образ Божий // Человек. 2000. – № 4. – С. 71–86; *Летцев В. М.* Личность как средоточие мировоззренческих исканий В. В. Зеньковского // Вопросы философии. 2003. – № 12. – С. 141–146; *Завьялов Б. М., Завьялова Л. В.* По образу и подобию Божьему: высшая инстанция ответственности человека в христианской антропологии // Человек в современных философских концепциях: Материалы Третьей Международной научной конференции, 14–17 сентября 2004 г.: в 2 т. – Т. 2. – Волгоград, 2004. – С. 238–242; *Архимандрит Симеон (Брюшвайлер).* Тайна и измерение личности. Очерк христианской антропологии // Альфа и Омега. 2004. – № 1 (39). – С. 155–169; *Мухина В.* Человек на пересечении созданных им реалий // Развитие личности. – 2012. – № 1. – С. 16–35; *Леонтьев Д. А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. – 2011. – № 1. – С. 3–27.

5. *Колпакова М. Ю.* Диалог по Т. А. Флоренской, или Диалогический поворот в психологии // Челпановские чтения-2011. – М., Вып. 6. – С. 15–21; *Слободчиков В. И.* Становление человеческого в человеке – императив современного отечественного образования // XIX Международные Рождественские образовательные чтения. – М., 2012. – С. 37–41; *Игумен Дамаскин (Орловский).* Подготовка материалов к канонизации новомучеников на примере Комиссии по канонизации святых Московской епархии // XXI Международные Рождественские образовательные чтения. Прославление и почитание святых: Материалы конференции. – М., 2013. – С. 7–18.

6. *Мухина В. С.* Феноменология развития и бытия личности. – М.; Воронеж, 1999; *она же.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты): 2-е изд. испр. и доп. – М., 2010.

7. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 41. – Ст. 813.

8. Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия Председателя Синодальной комиссии по

канонизации святых на Архиерейском Юбилейном Соборе и материалы Синодальной комиссии к прославлению новомучеников и исповедников Российских XX века и других подвижников веры и благочестия. – М., 2000.

9. *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн.: 1–7. – Тверь, 1992–2002; *Он же*. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Кн.: Январь–Июнь. – Тверь, 2005–2008; *Он же*. Жития новомучеников и исповедников Оптиной Пустыни. Письма преподобноисповедника Рафаила. – Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2008.

10. Архив УФСБ РФ по Томской обл. – Д. П-11803.

11. Мученица Татиана (Гримблит). – Мне бы жизнь за Тебя положить. – М., 2006.

12. Архив УФСБ РФ по Тульской обл. – Д. П-11295.

13. ГАРФ. – Ф. 10035. – Д. П-78635.

14. ГАРФ. – Ф. 10035. – Д. 32236.

15. *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. – Кн. 5. – Тверь, 2001.

16. Архив УФСБ РФ по Липецкой обл. – Д. 24441.

17. Архив УФСБ РФ по Липецкой обл. – Д. 17215.
